

УДК 159.9.01(082)+159.9(476)(092)(082)+929(082)
ББК 88.3я43+88г(4Бен)я43
Р64

Рекомендовано
Научно-методическим советом
Центра проблем развития образования БГУ
8 ноября 2007 г., протокол № 7

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *Д. Г. Богусевич*
доктор психологических наук, профессор *Л. А. Кандыбович*

Розетовский сборник: сб. науч. ст. / под ред. Я. Л. Коломинского и А. А. По-
Р64 лонникова. — Минск : Изд. центр БГУ, 2007. — 182 с.
ISBN 978-985-476-555-6

В основу сборника легли доклады Первой Международной научной конференции «Розетовские чтения», состоявшейся 12 октября 2007 года и приуроченной к 80-летию со дня рождения белорусского психолога Исаака Моисеевича Розета (1927–1992). В статьях, размещенных в сборнике, рассматриваются различные аспекты жизни и творчества И. М. Розета, а также его научные идеи, которые могут быть актуальны для современной белорусской психологии.

Адресуется преподавателям университетов, психологам, аспирантам и студентам психологических специальностей.

УДК 159.9.01(082)+159.9(476)(092)(082)+929(082)
ББК 88.3я43+88г(4Бен)я43

Содержание

- 5 От редколлегии
- 6 К истокам белорусской психологии
Я. Л. Коломинский, А. А. Полонников
- 13 Мой милый папа. Воспоминания сына о своем отце
А. И. Розет
- 28 Слово о друге
Я. Л. Коломинский
- 34 Феномен Розета
О. И. Шарко
- 43 Научные идеи и экспериментальная разработка И. М. Розетом
проблем психологии памяти
М. З. Яновский
- 47 Педагогические представления И. М. Розета
В. А. Герасимова
- 55 Реализация классического типа научной рациональности в про-
грамме «Психология фантазии» И. М. Розета
Н. Д. Корчалова
- 70 Механизмы продуктивной умственной деятельности у детей с ин-
теллектуальной недостаточностью
Е. С. Слепович, А. М. Поляков

- 83 Впечатления от статьи А. И. Розова «Соображения рядового психолога», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 1953 году, № 3
Л. А. Пергаменщик
- 90 «Нехватка слов»: концепция речевого конфликта в работах И. М. Розета и ее прочтение в терминах дискурсной теории
Е. А. Кожемякин
- 97 Топология сноски (замечания к концепции «речевого конфликта» И. М. Розета)
А. А. Полонников
- 114 Розет vs Розет: (не)возможная (ре)конструкция
Т. В. Тягунова
- 132 Социальные основания психологии: этнометодологическое чтение статьи И. М. Розета и Я. Л. Коломинского «О равнозначности и вероятностном понимании психических явлений»
А. М. Корбут
- 173 Список научных работ И. М. Розета
- 180 Сведения об авторах

К истокам белорусской психологии

В разговоре с одним из авторов этих строк Исаак Моисеевич Розет как-то сказал: «Вот ты, Яков, удивляешься, когда встречаешь глупого человека, а я, наоборот, удивляюсь, когда встречаю умного». В этой брошенной мимоходом фразе — весь Розет, как вызов разным формам официальной и неофициальной глупости, поверхностности и пустословия. Незадолго до своей смерти в статье, посвященной памяти С. Л. Рубинштейна, Исаак Моисеевич сетовал на то, что слово «глупость», равно как и его синонимы, «столь часто употребляемые в устной и письменной речи, совершенно отсутствуют в психологических произведениях...» (Розов, 1989, с. 325).

Кажется, что эти слова написаны сегодня, однако прошло уже 15 лет, как Исаака Моисеевича нет среди нас, и уже в память о нем самом звучат выступления, печатаются статьи и книги. «Лицом к лицу лица не увидать, — сказано у Поэта. — Большое видится на расстоянье». Наверное, пятнадцать лет — это та необходимая дистанция во времени, которая важна для оценки того или иного культурного явления. Первые международные «Розетовские чтения», состоявшиеся недавно в Белорусском государственном университете, — наглядное тому свидетельство. Мы не станем во вступительной статье воспроизводить различные фрагменты прозвучавших на конференции докладов, по-своему масштабирующих и анализирующих феномен белорусского ученого-психолога. Нам хотелось бы обратить внимание на другое: на несказанное или недосказанное, в том числе и на прошедших недавно чтениях; на то, что осознанно или неосознанно пытается разглядеть всякий, кто сегодня берет в руки книги Исаака Моисеевича Розета или открывает Интернет-страницы с его публикациями¹.

Речь идет о задаче, которую пытается решить, обнаруживая себя в жизненной ситуации, человек, обладающий «необщим выражением лица». Было бы оши-

¹ С основными работами И. М. Розета, а также с публикациями, посвященными его творчеству, можно познакомиться по адресу <http://www.edc.bsu.by>

бочным принимать за таковую разработанные им идеи, полученные в исследованиях результаты или изобретенные предметы, хотя они могут быть и самоценны. Произведения мыслителей, по словам Жюль Делеза, — лишь указания на нечто, с чем имеет дело ученый. «Создание концепта всегда случается как функция проблемы» (Делез, 2001, с. 27), — замечает французский философ. Именно это обстоятельство, связанность научных поисков с решением актуальных проблем своего времени, на наш взгляд, и определяет «валентность» творчества того или иного ученого.

Проблему в данном случае не следует связывать с привычными психологическими коннотациями, как-то: школьной неуспеваемостью, личностной неконгруэнтностью или пресловутой наркоманией. Ее значение в нашем словоупотреблении в большей степени соответствует тому, что К. С. Станиславский называл «сверхзадачей», а А. А. Ухтомский — «доминантой». «Условимся же на будущее время, — писал Константин Сергеевич, — называть... основную, главную, всеобъемлющую цель, притягивающую к себе все без исключения задачи, вызывающую творческое стремление двигателей психической жизни и элементов самочувствия артисто-роли, сверхзадачей произведения писателя» (Станиславский, 1938). То есть, сверхзадача — это абстракция целого ряда действий, их обобщенный смысл, а для читателей работ И. М. Розета — то, что в них не дано, а задано.

Так, например, подвижническая работа ученицы и сотрудницы Л. С. Выготского Лидии Ильиничны Божович по «инкорпорированию» в 60-е годы XX века идей З. Фрейда, К. Роджерса, А. Маслоу и др. в русскоязычный ареал, может быть увидена не столько как представление отечественному читателю широкой панорамы западной психологической мысли, но и как утверждение в социетально ориентированном обществе ценности индивидуальной личности, ее автономии и неограниченных возможностей. В этом отношении узкоспециальные исследования Божович приобретали смысл антитоталитарного действия, становились интересными далеко за пределами профессионально-психологической страты. С этой точки зрения сверхзадача — это всегда практика идей.

Конечно, всякий человек живет и действует в своей социальной ситуации, а значит, оказывается перед специфическими вопросами и запросами своего места и времени. Это значит, что проблемы, решаемые И. М. Розетом, укоренены в его социальных и культурных обстоятельствах и, наверное, не транспонируемы непосредственно в сегодняшние жизненные условия. Или, несколько смягчая категоричность сказанного, можно говорить об обязательной реконтекстуализации идей белорусского ученого, переопределении их связей с новыми научными и культурными феноменами.

В этом отношении тех, кто обращается к научному творчеству Исаака Моисеевича с утилитарными запросами, скорее всего, ожидает разочарование

и сопутствующая ему досада. Однако когда мы, следуя научному завещанию Розета, начинаем читать его работы не только «в поисках материала для лекции или доклада, но и чисто „бескорыстно“ — чтобы вступить в общение с подлинной мудростью» (Розов, 1989, с. 323), или научиться порой беспощадной требовательности к себе, у нас появляется шанс установить с ним отношение подлинной культурной преемственности, воспринять «не букву, а дух».

Такого рода духовная связь становится жизненно значимой в той культурной ситуации, в какой оказалось сегодня белорусское психологическое сообщество. Понимание ситуации, равно как и стремление к ее прояснению, — начальный шаг всякого практического действия. Как замечает М. К. Мамардашвили, «самая большая трагедия человека — когда он не знает, каково его действительное положение. Где он и что происходит с ним? Вернее — как и когда сцепилось то, что сейчас происходит» (Мамардашвили, 1984). Попробуем очертить те новые жизненные обстоятельства, которые с нашей точки зрения и образуют «действительное положение вещей», без учета которых обращение к творчеству И. М. Розета теряет необходимую перспективу.

Здесь нам потребуется небольшой историко-социологический экскурс.

Время ухода из жизни Исаака Моисеевича странно совпадает с кончиной советского социального проекта. Сегодня еще сложно однозначно оценить все последствия произошедшего, однако, при всей неоднозначности оценок, для белорусской психологической науки стало ясным одно: необходимо строить свою собственную систему научно-психологического производства. Геополитическая трансформация внесла деструкцию не только в институциональный уровень научного поля, но и в его молярные структуры, разрушив «межклеточный метаболизм» в прежде едином психологическом сообществе, обнаружив энергетическую истощенность устоявшихся центров профессионально-психологического понимания, суждения и действия.

Распад поля советской психологической науки обернулся для региональной психологии языковой истощенностью, невозможностью воспроизводства необходимого для существования сообщества согласованного самоописания и подтверждающей научное бытие профессиональной коммуникации. В Белоруссии, оказавшейся в начале 90-х годов в фактической интеллектуальной изоляции (сокращение профессионального взаимодействия, отключение от российского информационного пространства и научно-организационных структур), эта символическая редукция обнаружила свою специфику. Одной из характеристик новой ситуации стала «акцентуация на личности», культурном замещении, когда место символов научного поля — идей, ценностей, норм и исследовательских процедур — заняли индивидуальные характеристики ученых, наделяемых, нередко, негативными значениями. Деструкция целого, в точном соответствии с открытыми Фрейдом законами, оказалась спроецированной во внутриличностное про-

странство. Именно символическим дефицитом можно объяснить то резко возросшее обострение межличностных отношений в белорусском психологическом сообществе, которое многих ученых и ныне повергает в уныние.

Однако было бы неверно изображать новую жизненную ситуацию как эпоху тотального кризиса и растерянности. Возникший дефицит не мог не породить и символического творчества. И оно не замедлило явиться. В этом отношении можно наблюдать несколько очевидных тенденций. Одна из них связана с «челночной ориентацией», появлением целого класса психологических функционеров, наладивших экспорт в Беларусь символического капитала западных «архипелагов» и «континентов». В основе популярности этой активности лежит не только эффект новизны, но и тщательно стимулируемый «колониальными торговцами» мотив вины белорусских психологов за «свое невежество».

Отсутствие профессионального контроля за этой «компрадорской деятельностью» не может не беспокоить. Эта тревога обусловлена все чаще отмечаемой экспертами недооценкой необходимости переработки, селекции и адаптации поступающего на рынок символического материала, осторожного встраивания его в программы профессиональной деятельности и образования, тщательного отслеживания производимых инновацией эффектов. Однако решению этой задачи часто препятствует тщательно скрываемый интерес символических импортеров, поскольку критический анализ поставляемой ими продукции может не только сказаться на обороте символического капитала, но и отборе товара с последующим сокращением многих статей импорта. Вот почему сегодня на белорусском психологическом рынке чаще слышны голоса дилеров, нежели осторожные «интеллигентские» высказывания их оппонентов.

Вторая ситуационная тенденция образуется усилиями ученых по активации «восточного» вектора научной политики. Ее девизом часто выступает перефраз известного призыва «Манифеста коммунистической партии»: «Психологи СНГ, объединяйтесь!». Свою роль в этом движении играют и личные связи лидеров психологии России и Беларуси, накопленный опыт реализации совместных научных проектов и программ. При всей позитивности такого рода контактов нельзя не видеть их зачастую церемониально-ритуальный характер, отсутствие реальной деловой основы и перспективного прагматического смысла. В результате обмен символическим капиталом грозит переродиться в фиктивную процедуру, сеющую иллюзии, замещающую живые творческие научные связи.

И, наконец, третья тенденция захватывает тех, кто принялся налаживать собственное символическое производство. Кроме отмеченной выше необходимости переработки и осмысления самого разнообразного психологического опыта, здесь со всей остротой встает вопрос об осознании своего интереса, основаниях и направлении собственного действия, того, что в психологии принято относить к фактам индивидуального и общественного профессионального самосознания.

Последние имеют конструктивную природу и, как правило, обеспечиваются историей соответствующей научной и учебной дисциплины.

Представителями третьего направления сделано к настоящему времени не мало: очерчено пространство социально-психологической идентичности белорусской психологии, выделены ее основные национальные символы и персоны, описаны институциональные связи историко-психологических объектов, подготовлены учебники и учебные пособия², на психологических факультетах и отделениях вузов Беларуси студентам читаются соответствующие курсы, не за горами подготовленные белорусскими аспирантами диссертации, анализирующие те или иные аспекты отечественной психологической традиции. В этом же ключе строили свою работу и недавние чтения, инициированные Белорусским государственным университетом и Белорусским обществом психологов.

В историко-психологической работе особое значение приобретает процесс рекомпозиции объектов символического поля белорусской психологии, выделения и концептуализации тех из них, которые в большей степени обеспечивают «фундаментальную» задачу — создания образа национальной психологической науки. Из этого следует необходимость поиска историками таких персоналий, которые бы изначально были связаны с белорусским культурным ареалом, включали бы в свои программные установки моменты самобытности и креативности, научное творчество которых при этом соответствовало бы самым строгим критериям качества научного производства своего времени. В этом отношении фигура Исаака Моисеевича Розета, ученого и личности, не имеет себе равных.

В контексте создания собственного дома белорусской психологии, конечно, важен и масштаб этого ученого, важна и временная дистанция, обеспечивающая возможность остранения³ явления и его оценки, но не менее важно для процесса символизации, как показывает наш анализ, и особое средоточие многих других факторов ситуации, взаимодействие которых придает культурному явлению рельефность, своеобразие и ту мистическую притягательность, которой обладают настоящие шедевры.

Среди этих факторов не последнее место занимает созидательная деятельность людей. Именно от их активности зависит судьба культурного явления: будет ли оно еще долго служить обновлению человеческой жизни или окажется умерщвленным через забвение или сакрализацию. Национальной белорусской психологии нужны живые и животворные символы. Жизненность символов, как нам кажется, обусловлена тем, что иногда именуют «интеллектуальным авторитетом». В современной культурной ситуации последний во многом связан с по-

² В этом отношении показательны следующие работы: Кандыбович, 2002; История психологии в Беларуси, 2004.

³ Термин В. Шкловского, описывающий художественный прием, позволяющий преодолевать автоматизмы человеческого восприятия, делающий вещь осязаемой, видимой.

мещенностью реалии в пространство профессионального и образовательного общения, или, используя классические экономические определения, с оборотом символического капитала. Здесь, конечно, решающее слово принадлежит образовательным и научным политикам, средствам массовой информации и коммуникации, издательствам научной и научно-популярной литературы. Но не только.

Интеллектуальный авторитет символа — это еще и постоянное его испытание на культурную генеративность, способность в непосредственном взаимодействии порождать новые факты понимания, мышления и практического действия. Такого рода коммуникативная креативность зависит теперь уже не только от претендента на символический статус, но и от нашей собственной открытости, творческого отношения к миру, другому, самому себе. Эмпирическим показателем символической эффективности порождающего диалога может служить наше удивление и восхищение неисчерпаемым многообразием и глубиной человеческого мира.

Прошедшие «Розетовские чтения» функцию символической пробы выполнили. О том, насколько они оказались удачными, судить не только нам, их участникам, но и вам, уважаемые читатели этой книги.

Екклесиастом сказано: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Еккл. 3:1–8).

Пришло время собирать камни.

Последнее — труд особый. Он не сводим к институциональным калькуляциям, составлению бюрократических реестров, собирающих под одним названием то, что и так давно известно всем. Речь идет, пользуясь словами И.М. Розета, о специфической гипераксиоматизации элементов региональной психологической культуры, встраивании их в актуальный жизненный контекст, установлении интеркорреляций с деяниями эпохи, исканиями предшественников и современников.

На этом пути нам еще предстоит переопределить свое отношение к собственному наследию, изжить «комплекс неполноценности», перестать трактовать опыт белорусской науки по абстрактным схемам линейного прогресса, как второразрядной и, по существу, колониальной. Мы должны научиться видеть феномены отечественной психологии как прецеденты устремленности к Истине, Добру и Красоте, способные не только освещать «темные переулки» прошлого, но и слу-

жить источником смыслового богатства настоящей жизни психологической науки, импульсом ее развития в будущем.

Пользуясь случаем, выражаем благодарность тем людям и организациям, без содействия которых проведение первых «Розетовских чтений» было бы проблематичным: ректору Белорусского государственного университета Василию Ивановичу Стражеву и председателю правления Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Валентину Антоновичу Орловичу.

Литература

Делез Ж. Алфавит Жиля Делеза. Беседа с Клер Парне (1988–1989). Мн.: ПроPILEI, 2001.

Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. Психологическая топология пути. Лекция 1. 6.03.1984. [Электронный ресурс]. Дата доступа: 20.10.2007. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/mmk/topology.html>

История психологии в Беларуси: Хрестоматия / Авт.-сост. Л. А. Кандыбович, Я. Л. Коломинский. Мн.: Тесей, 2004.

Кандыбович Л. А. История психологии в Беларуси: Учебное пособие / Под ред. Я. Л. Коломинского. Мн.: Тесей, 2002.

Розов А. И. Взгляд со стороны // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 322–330.

Станиславский К. С. Работа актера над собой. 1938. [Электронный ресурс]. Дата доступа: 20.10.2007. Режим доступа: www.lib.ru/culture/stanislawskij/akter.txt

Доктор психологических наук, профессор
Я. Л. Коломинский

Кандидат психологических наук, доцент
А. А. Полонников